

The Best of Sci-Fi Classics

Roger Zelazny

This Immortal

ЭТОТ
бессмертный

Роджер Желязны

Москва
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ж52

Roger Zelazny

THIS IMMORTAL

Copyright © 1965 by Roger Zelazny

Публикуется с разрешения наследников автора
и их литературных агентов,
Zeno Agency Limited (Великобритания) при участии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Желязны, Роджер.

Ж52 Этот бессмертный / Роджер Желязны ; [пер.
с англ. И. Куберского]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 256 с. — (The Best of Sci-Fi Classics).

ISBN 978-5-699-92879-8

Планета Земля, отравленная радиацией и истерзанная жестокими войнами, оставлена людьми ради новых, прекрасных миров. Немногие оставшиеся вернулись в античную эпоху — эпоху богов и героев, жутких чудовищ и волшебных артефактов. Вернуть историю на круги своя, а человечество на родную планету способен только он, Конрад, этот бессмертный...

Дебютный роман Грандмастера НФ Роджера Желязны, удостоенный престижной премии «Хьюго», лучшее переосмысление античной мифологии за всю историю фантастики!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© И. Куберский, перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-92879-8

ХРОНИКИ ВЕЛИКОГО ПАНА

«Три Последних Дня» навсегда изменили Землю. Точнее сказать, они ее уничтожили.

Три дня, за которые человечество израсходовало свой ядерный арсенал, превратив планету в радиоактивную пустыню с редкими очагами жизни.

Нынче на обломках постъядерного мира растут цветы-вурдалаки, среди которых скачут кентавры, резвятся сатиры, — а в небесах над ними парят кровожадные вампиры и прекрасные крылатые кони. Человечество, некогда восставшее из Тьмы, поднялось слишком высоко — и рухнуло вниз, возвратилось туда, где когда-то разгорались первые искры цивилизации. Только теперь здесь дотлевают ее последние угли. А мудрые веганы, непрощенные гости из далеких миров, уже прицениваются к руинам, готовые скупить их оптом вместе с остатками населения. Ну, или без них — как сложится.

«Таков был мир, в который пришел Конрад».

Впрочем, пришел ли? Или был в нем с тех давних пор, когда мир был юн, боги близки, козлоногий народец подглядывал из кустов за купающимися девушками, а Гомер еще не родился? Кто знает. Возраст Конрада — один из множества секретов, которые он тщательно оберегает от постороннего взгляда. Впрочем, само название романа — довольно прозрачный намек на то, что те сто тридцать с хвостиком лет, в которых готов признаться сам Конрад, — срок более чем условный.

И, разумеется, местом действия романа не могла не стать Греция — древняя Эллада, благословенная Ахейя. Страна, в которой каждый камень пропитан историями и легендами, а имена Кассандра или Язон вполне обычны. Где год за годом злокозненные калликанзаросы подпиливают Мировое древо, пока их не остановит благовест рождественских колоколов. В конце концов, где еще жить бессмертному, как не у истоков той цивилизации, свидетелем угасания которой он, наконец, стал?

Это сейчас всевозможной постъядерной технофэнтези никого не удивишь: такого добра нынче — настоящее половодье. Тех, кто умеет работать на стыке «мягкой» НФ и мифологической фантастики, куда меньше, но и их хватает — от Генри Лайона Олди до Нила Геймана включительно. А в 1966 году «Этот бессмертный» прозвучал настоящим откровением, разделив премию «Хьюго» аж с самой «Дюной» Фрэнка Герберта и обойдя и Роберта Хайнлайна с «Луна — суровая хозяйка», и Джона Браннера с «Квадратами шахматного города». («Луна», впрочем, получила премию в следующем году.)

Надо сказать, что космические триумфы Советского Союза и США сыграли с научной фантастикой злую шутку: львиная доля «классической» НФ 30—50 годов моментально получила приставку «анти-». Уж слишком разителен был контраст между суровой реальностью и литературным вымыслом. Космическая эра, породившая всплеск небывалого интереса к тематической беллетристике, нанесла «твердой НФ» тот удар, от которого она не оправилась до сих пор. Именно тогда на лидирующие позиции взамен угасающего Золотого века научной фантастики выходят космическая опера, использующая внеземной антураж для создания сугубо эскапистских коммерческих произведений, и великая «Новая волна».

Перефразируя известную фразу Ивана Жилина, можно сказать, что основным принципом «Новой волны» стала максима «Главное — человек». Это, безусловно, в первую очередь фантастика гуманистическая: недаром гуру для этого поколения авторов стал Рэй Бредбери. Филип Дик, Харлан Эллисон, Роберт Силверберг — имена, знакомые каждому любителю настоящей фантастики. И имя Роджера Желязны — далеко не последнее в их ряду.

Говоря о литературной родословной Желязны, безусловно, следует назвать Генри Каттнера, с его парадоксальным юмором и значительным фольклорным элементом во многих произведениях, и Джека Вэнса, о котором Пол Андерсон сказал, что тот «издается под маркой научной фантастики, но не вписывается в ее рамки». Вот и Желязны «не вписывается» ни в какое узкое определение. Это ни в коем случае не научная фантастика — ни «твердая», ни «мягкая», хотя в его книгах встречаются и инопланетяне, и изобретатели. Это и не «фэнтези» — от героики романов «меча и магии» Желязны бесконечно далек, — хотя волшебного и сверхъестественного в них предостаточно. Это вот такая литература. «Философский боевик», как впоследствии определили направление своего творчества те же Олди.

Что касается боевика, то с ним у Желязны тоже все в порядке: чего стоят, например, образы идеального убийцы Хасана или роковой женщины Дианы. Террористы и тайные общества, борющиеся против «веганской агрессии»; племена людоедов и кровожадные мутанты; сама природа, под действием радиации порождающая чудовищ, невиданных на Земле с допотопных времен, а то и вообще никогда — и это еще далеко не все.

Но и с философией никак не хуже. Помните этот старый прекрасный анекдот — «А умище-то куда девать?!» Так вот: у Роджера Желязны — магистра Колумбийского университета, специализировавшегося на британской драме XVI—XVII веков, — таких проблем не

имелось. Благо, художественный текст, при толике желания, вполне способен стать благодатной почвой для посева духовных богатств автора. Поэтому герои Желязны любят время от времени то перекинуться цитатами из классиков, то выдать афоризм на классической латыни, ненавязчиво приобщая читателя к сокровищнице мировой премудрости.

Но дело, разумеется, не только в пробирающейся в текст авторской эрудиции и не в определенном (и безусловном) культуртрегерском посыле. И уж тем более не в предостережении против опасности ядерного конфликта сверхдержав: к моменту написания «Бессмертного» эта тематика, безусловно, сохраняя свою актуальность, оригинальность успела подрастерять. Пожалуй, главное в романе — не проговариваемое, а скорее демонстрируемое через деталь, через подтекст размывание самого понятия Времени — не как физической, а как сугубо философской категории. Одновременное сосуществование трех временных пластов — хронологически «современного» действию романа, «архаического», вызванного всеобщей мифологизацией реальности, и, наконец, «футуристического», связанного с присутствием в тексте сверхцивилизации веганов, — приводит к тому, что само понятие времени как линейного процесса теряет смысл. Действие романа происходит во вневременьи, где «вчера», «сегодня» и «завтра» слиты воедино в единой «вечности», какой бы смысл не вкладывался в это, в общем, абстрактное понятие.

Недаром один из самых сильных образов романа — толпа дикарей, *разбирающая* Великую пирамиду Хеопса в Гизе. Разумеется, им нужен камень. Но речь идет о варварстве куда более утонченном: на разборе присутствует съёмочная группа, тщательно документирующая ход работ и при этом следящая за тем, чтобы в кадр не попали какие-либо анахронизмы, — чтобы в итоге, воспроизведя пленку в обратном направлении, получить псевдодокументальный фильм о том, как пирамида бы-

ла *построена*. Пожалуй, это квинтэссенция того вневременья, или, если угодно, безвременья, которое накрыло мир после «Трех Последних Дней».

Однако эта весьма оригинальная — и безукоризненно выписанная! — хронологическая конструкция, в иной ситуации могущая изрядно усложнить роман для пресловутой «широкой аудитории», полностью компенсируется вполне традиционным линейным сюжетом: в этом плане перед нами старая как мир история о раздираемом внутренними противоречиями отряде, члены которого при этом вынуждены сообща бороться за выживание.

Особая линия романа, оказывающая значительное влияние на сюжетные перипетии, — конфликт между определенной стратой человеческого сообщества и веганами. Точнее, острейшая ненависть первых ко вторым.

Главная вина синеккожих пришельцев перед людьми непростительна абсолютно и, если отбросить щадящие самолюбие оговорки, заключается в том, что они лучше. По любому критерию, с какой меркой ни подойди. Они мудрее, развитее, цивилизованнее, культурнее. За что ни возьмись, у них все получается лучше, чем у людей, — даже писать романы по-английски. Веганы смотрят на умирающую Землю не с ужасом — с удивлением. До сих пор им и в голову не могло прийти, что со своей собственной планетой — с любой планетой вообще! — можно так обращаться. Найдя человечество на пороге полного и окончательного вымирания, веганы не только предложили широчайшую гуманитарную помощь, но и обеспечили всем желающим возможность эмиграции на подконтрольные им миры. Да разве можно ли их после всего этого не возненавидеть?!

Не удивительно, что едва ли не сразу после начала гуманитарной миссии веганцев на Земле образовалось движение ретурнистов, сторонников возвращения звездных эмигрантов на родную планету. Причем, как водится, занимались ретурнисты не только и не столько

словесной агитацией, сколько откровенным терроризмом. Во главе движения стоял некто Константин Коронес, и хотя с тех пор прошло добрых две с половиной сотни лет, слишком многие убеждены, что он и Уполномоченный по делам Искусств, Памятников и Архивов (то есть, по всему, что осталось от человеческой культуры) Конрад Номикос — один и тот же человек.

И теперь он, некогда возглавлявший борьбу с веганской экспансией, должен не только сопровождать жадного на впечатления инопланетного аристократа, но и оберегать того от нынешних наследников своего детища.

Какова истинная цель Корта Миштиго, популярного веганского литератора и большого любителя человеческой культуры? Что за книгу он задумал, какого вдохновения ищет на руинах Земли? Почему кое-кому так важно, чтобы эта книга так и не была написана — любой ценой? Чью сторону в этом конфликте примет тот, кого нынче знают под именем Конрад? И главное: как описанные в романе события отразятся на будущем того, что осталось от человечества? Вот та интрига, которая держит читателя в напряжении до последней страницы и разрешается образом настолько неожиданным, что, пожалуй, способна будет удивить даже самого пресыщенного любителя фантастики.

Что ж, остается лишь повторить, что Роджер Желязны — один из ярчайших и самобытнейших писателей-фантастов, а «Этот бессмертный» — один из лучших его романов. Ну и немного позавидовать тем читателям, которые прочтут его впервые.

Аркадий Рух

ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ

Бену Джейсону

— Ты ведь калликанзарос, — неожиданно объявила она.

Я повернулся на левый бок и улыбнулся в темноте.

— Свои рога и копыта я оставил в конторе.

— Так ты знаешь, про кого я!

— Вообще-то я Номикос.

Я потянулся к ней и нашел ее.

— Ты что, действительно собираешься разрушить весь мир?

Я засмеялся и привлек ее к себе.

— Надо подумать. Если именно поэтому Земля и разваливается...

— Послушай, у детей, рожденных здесь на Рождество, калликанзаросская кровь, — сказала она, — а ты однажды обмолвился, что твой день рождения...

— Вот и отлично!

Мне пришло в голову, что она лишь наполовину шутит.

Зная, какие существа могут случайно попасться на глаза в этих Старых, а теперь Горючих, местах, начинаешь почти без труда верить в мифы — в разные там рассказы о похожих на Пана¹ леша-

---

¹ *Пан* — в греческой мифологии сын бога Гермеса; первоначально почитался как покровитель пастухов, бог стад; впоследствии (к II в. до н. э.) — как покровитель всей при-

ков, которые собираются каждую весну, чтобы потолкаться под Деревом Мира, а затем разбежаться кто куда от звона пасхальных колоколов. (Диндон — колокола, клак-клак — зубы, цок-цок — копыта и т. д.) Мы с Кассандрой не имели привычки обсуждать в постели вопросы религии, политики или фольклор Эгейского бассейна, но меня, поскольку в этих местах я и родился, подобные воспоминания задевают за живое.

— Ты делаешь мне больно, — сказал я полушутя-полусерьезно.

— А мне не больно?

— Прости.

Я снова расслабился. Помолчав, я объяснил:

— Когда я был сорванцом и ко мне приставали другие сорванцы, они меня звали «Константин Калликанзарос». Когда я подрос и подурнел, они перестали так меня звать. По крайней мере в лицо...

— «Константин»? Твое имя? А я полагала...

— Теперь я Конрад, и больше не будем об этом.

— Но мне оно нравится. Я бы лучше звала тебя «Константин», чем «Конрад».

— Ну, если тебе приятно...

Луна выкатила свою постную физиономию на подоконник и стала строить мне рожи. Я не мог достать не только до луны, но и до окна, потому отвернулся. Ночь была холодной, влажной и полной тумана — здесь всегда такие.

— Комиссар по делам Искусств, Памятников и Архивов планеты Земля не станет рубить Дерево Мира, — проворчал я.

— Калликанзарос мой, — откликнулась она слишком поспешно, — я этого не говорила. Но с

роды. Изображался в виде человека с рогами, козлиными ногами и козлиной бородой. — *Здесь и далее прим. пер.*

каждым годом колоколов все меньше, а добрые намерения далеко не всегда идут в расчет. Впрочем, у меня такое чувство, что, так или иначе, ты все изменишь. Можешь изменить...

— Ошибаешься, Кассандра.

— А мне страшно и холодно...

Она была прелестна в темноте, и я обнимал ее, чтобы хоть как-то уберечь от этих туманов, влажных и знобких.

Пытаясь воссоздать в памяти подробности минувших шести месяцев, теперь я осознаю, что, пока мы огораживали страстью наш октябрь и остров Кос, Земля уже пала в руки сил, что сметают все октябри. Возникнув изнутри и извне, эти силы роковой развязки уже тогда маршировали гусиным шагом среди руин — безликие, неотвратимые, с оружием на изготовку.

Корт Миштиго приземлился в Порт-о-Пренсе на древнем «Сол-Бус Девять», который доставил его с Титана в сопровождении груза, состоявшего из туфель и рубашек, нижнего белья, носков, вин разных марок, разных медицинских средств и новейших магнитофонных кассет, всех этих производных цивилизации. В общем, богатый и влиятельный журналист Галактики. Насколько богатый — для нас это оставалось неизвестным еще много недель, а насколько влиятельный — для меня открылось лишь пять дней тому назад.

Пока мы бродили по рощам одичавших олив, лазали по руинам франкского замка или вплетали наши следы в следы серебристых чаек, похожие на иероглифы, там, на влажных песках пляжей